

СОРОК лет — это больше половины человеческой жизни. Сорок лет в театре — равноценны нескольким жизням. Ибо вечно искусство театра, и театральная организация — живет, стареет, угасает, чтобы вновь возродиться. Бесконечно бьется жизнь в театре: то едва-едва, чуть теплясь, то мощно и сильно, через край, и тогда — пик славы и успеха...

Олег Павлович Волохов — бутафор в Театре имени А. С. Пушкина. В августе сорок шестого пришел он в Пушкинский, мечтая о сцене. Отец его был актером, учеником Леонида Вивьена, Олег рос, «вдыхая запахи кулис».

В актеры его не взяли. Предложили стать бутафором — согласился: пока, временно. И проработал почти всю жизнь, не сожалея о выборе.

Первым спектаклем, оформлением которого он принимал участие, были «Победители» Б. Чирскова. До сих пор хранится у Олега Павловича старая аршишка с репертуаром. «Победители» и в ней подчеркнуты красным карандашом: «С этого я начинал».

Театр гремел тогда. Замечательные актеры — Черкасов, Симонов, Меркурьев, Толубеев, замечательный режиссер — Вивьен.

Для Волохова это время — молодость, интересная работа вместе со знаменитыми. В сорок седьмом году Л. Вивьен поставил «Жизнь в цвету» А. Довженко. Главную роль —

О людях хороших
Восп. Ленинград, 1986, - 6 декабря.

И ему аплодировали в Париже

Мичурин — исполнял Николай Черкасов. Олегу Павловичу этот спектакль помнится сложным и объемным заданием художника: на сцене должен вырасти сад. И он возник. Сорок восемь деревьев в натуральную величину пришлось изготовить бутафорам — по двенадцать для каждого времени года. Цвели деревья, созревали плоды, осыпались листья, сад заносило снегом — он жил на сцене вместе с главным героем.

...Мы сидим с Олегом Павловичем в мастерской. Он вспоминает, мысленно «перелистывая» десятилетия, выделяя главное, самое памятное.

«Оптимистическую трагедию» Вс. Вишневского в постановке Г. Товстоногова ленинградцы увидели в 1955 году. А в пятьдесят седьмом театр повез этот спектакль во Францию, на международный фестиваль. Поехал и Олег Павлович, тогда еще просто Олег, но уже успевший стать незаменимым мастером. Воспоминания почти тридцатилетней давности свежи в его памяти до

сих пор. Помнит, как аплодировал Париж высокой трагедии революции — оптимистической! — как бурно реагировали на события спектакля экспансивные французы, как кричали ни в чем не подозревавшему часовому: «Берегись! Немцы!» — ломая тем самым «четвертую стену» — между актерами и залом.

Не обошлось, конечно, и без курьезов. Когда монтировали сценическое оборудование, вдруг обнаружили, что не хватает одной весьма существенной детали — сходней. Вечером спектакль, а сцена не готова. Что делать? Попытались смастерить что-нибудь похожее из подручных средств — все не то. Обратились на станцию, куда прибыло их оборудование — вагон уже перегнали в депо... В конце концов нашли, хоть и поволноваться пришлось. Выяснилось, что железнодорожные рабочие, разгружавшие декорации, приняли эти сходни за настоящую подвесную лесенку. Сочли, что это часть «вагонного хозяйства», и оставили в вагоне. На-

столько натурально было сделано...

Шли годы, Волохов набирал мастерство, а тем временем многое менялось в жизни Пушкинского. Уходили великие, сиротела сцена. Но театр оставался верен старым традициям. И по-прежнему необходим был хороший бутафор — художник своего дела. Постепенно сокращался бутафорский цех, но Волохов оставался.

Последние работы Олега Павловича — это уже не история. Помните спектакль «Маленький вокзальчик, весь в цветах»? Тщательно воссозданный быт маленькой станции, затерянной среди железных дорог Англии, трогательный, почти игрушечный старый паровозик с тремя вагончиками, сыгравший столь роковую роль в судьбе героев... Чтобы все было натурально, Олегу Павловичу с напарником пришлось не один раз посетить Музей железнодорожного транспорта. И когда на премьеру поезд появился на сцене, зрители ахнули — здорово!

Благодаря этой работе к постановке «Требую суд!» у Волохова уже был некоторый «вагонный» опыт. На этот раз требовалось «сконструировать» девять железнодорожных тележек почти в натуральную величину. Причем весить они должны были во много раз меньше, чем настоящие. Когда все было готово, рабочие сцены пришли забирать тележки и поразились: «Как же вы их на второй этаж-то затащили? Крапом, наверное?» — приняла за настоящие, которые весят не одну тонну. Волоховскую же вагонетку вполне мог поднять один человек...

Жизнь Олега Павловича неотделима от Пушкинского театра. Их судьбы переплелись. Верность традициям в постановке не позволяет обходиться без бутафора. Тем более без бутафора высокого класса. В подтверждение этого — мнение И. О. Горбачева, главного режиссера театра:

— Волохов в своем деле — Симонов. Можно без преувеличения сказать, что без него и без таких мастеров, как он, театр не смог бы существовать. Это — совестливый человек, ему стыдно делать свое дело плохо. Халтурить он просто не может. Сейчас много говорят о перестройке. Если меня спросят, нужно ли Волохову перестраиваться, я отвечу: не нужно; это нам надо перестроиться — идти с ним в ногу...

Е. ГОДУНОВА